

Н. А. Рогачева, Е. Н. Эртнер

**ССЫЛНОКАТОРЖНАЯ СИБИРЬ КАК «ТЕРРИТОРИЯ ПАМЯТИ»
В «СИБИРСКИХ ОЧЕРКАХ» Н. И. НАУМОВА**

doi: 10.30759/1728-9718-2019-2(63)-137-142

УДК 82-43(571.1)“18”

ББК 83.3(2=411.2)52

В статье рассмотрены особенности конструирования сибирского ссылнокаторжного мира в художественной и художественно-публицистической прозе писателя-народника Н. И. Наумова. Показано, как факты личных воспоминаний писателя трансформируются в события коллективной исторической памяти и как топика «виноватой Сибири» преобразуется в факт индивидуально-личного психологического опыта. По материалам губернской печати XIX в. установлены новые факты о службе Н. И. Наумова в Ишимском, Тюменском, Березовском, Тобольском уездах Тобольской губернии в 1864–1866 гг. Предметом исследования служат эксплицитные и имплицитные формы репрезентации авторской позиции в очерках и рассказах, написанных под впечатлением от встреч судейского чиновника с представителями различных социальных групп, составлявших население Западной Сибири 1860-х гг. Показана жанровая специфика и особенности нарративной структуры произведений, которые принесли Н. И. Наумову всероссийскую известность. Выявлен устойчивый конфликт между народнической и областнической идеологиями, осознанный писателем и воплощенный в его прозе. Для идеологов областничества Н. М. Ядринцева и Г. Н. Потанина Сибирь — это политический символ, «партийная фраза», объект этнографического и социально-политического конструирования, для Н. И. Наумова — источник художественной субъективности и предмет рефлексии, основанной на индивидуальных воспоминаниях о службе земским чиновником. В диалогах с героями повествователь проявляет себя в качестве «невольного туриста», беспристрастного исследователя повседневного быта и социально-психологических типов ссылнопоселенцев, бывших каторжан, людей, подвергшихся уголовному наказанию. При этом проза Н. И. Наумова является опытом художественного освоения не только истории ссылки, но и исторического сознания русского народничества.

Ключевые слова: *Н. И. Наумов, сибирские очерки, регионалистика, областничество, народничество, ссылнокаторжная Сибирь, территория памяти, память социальных групп*

В истории становления сибирско-уральской идентичности ссылка и каторга занимают особенное место. Топика «каторги и ссылки» является неотторжимым компонентом колонизации восточных земель России. Как известно, возникновение феномена сибирской ссылки во многом обусловлено развитием системы уголовного и политического наказания в XVII–XIX вв. и одновременно — внедрением государственной программы заселения, освоения новых территорий. По замечанию Н. М. Ядринцева, «ссылка полезна для колонизации нового края».¹ Географическое положение Сибири как нельзя более отвечало стратегии имперской политики, и потому здесь достаточно быстро оказывается

«вся виноватая Россия». Каторжная Сибирь открывает самостоятельную сферу русской жизни, а история сибирской ссылки входит в историю «памяти социальных групп» и «национальной памяти». Каторжный путь, тюрьма и поселение ссылных «окружены символической аурой»² наряду с другими «территориями памяти»³ сибирского культурного ландшафта.

Художественная рефлексия этого процесса началась едва ли не раньше его научного и административного осмысления. Реалии ссылнокаторжного быта, перейдя в область постперцепции, составляют значительный пласт мемориальных текстов о пребывании в Сибири, начиная со «Своеручных записок княгини Натальи Борисовны Долгорукой, дочери г.-фельдмаршала графа Бориса Петровича Шереметева» и «Жития протопопа Аввакума, им самим написанного». Уже в этих документах сибирский опыт соотнесен с системой жизненных ценностей автора, в индивидуальной памяти территория получает статус «земли нужды»

¹ Ядринцев Н. М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. СПб., 1882. С. 165.

Рогачева Наталья Александровна — д.филол.н., ведущая кафедрой русской и зарубежной литературы, Тюменский государственный университет (г. Тюмень)
E-mail: tmnmar@mail.ru

Эртнер Елена Николаевна — д.филол.н., профессор, Тюменский государственный университет (г. Тюмень)
E-mail: elena_ertner@mail.ru

² Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память / пер. с фр. Д. Хапаева. СПб., 1999. С. 17–50.

³ Там же. С. 3.

(Аввакум), места, предназначенного для испытания терпения и стойкости.

Лишь в середине XIX в. начинается социологическое, экономическое и административно-политическое исследование ссыльно-каторжного мира Сибири, инспирированное публикацией романа Ф. М. Достоевского «Записки из Мертвого дома» в 1861–1862 гг. Заметим, что характер исследований изначально не сводится к фактографическому описанию: предметом изучения является феномен, получивший в позднейшей философии название «жизненного мира» (Э. Гуссерль). Как следствие, в этот мир втягивается и наблюдатель: память о его встречах с каторжанами, ссыльными и их конвойными составляет основу повествования в произведениях С. В. Максимова, Н. М. Ядринцева, Дж. Кеннана и др. В свою очередь художественная литература, посвященная теме ссылки и каторги, носит преимущественно очерковый характер, использует в качестве документальной основы воспоминания повествователя об увиденном и пережитом. На границе субъективной памяти и исследовательского устремления автора формируется тот коллективный образ каторги и ссылки, который позднее будет многократно воспроизведен уже в литературе иного времени — в произведениях о ГУЛАГе.

Николай Иванович Наумов (16 (28) мая 1838 — 9 (22) декабря 1901), один из первых сибирских беллетристов,⁴ по существу, оказался у истоков художественного освоения сибирского ссыльнокаторжного сообщества, закрытого от внешнего наблюдателя. Исследователи уже отмечали, что интересы Наумова-писателя непосредственно связаны с деятельностью Наумова-чиновника,⁵ объясняя этим в первую очередь его глубокое знание социального уклада Сибири, отраженное в очерках. Уроженец Тобольска, воспитанник Томской гимназии, Наумов в 1860 г. приезжает в Петербург, становится вольнослушателем университета, входит в Си-

бирское землячество, где знакомится с Г. Н. Потаниным и И. А. Худяковым. Был привлечен к дознанию по делу «Общества независимости Сибири», следствие по которому тянулось несколько лет, и только в 1868 г. решением Сената с Наумова были сняты все обвинения. В это же время он сближается с народниками, публикует в журнале «Светоч» первые рассказы. Так формируется идеологическая парадигма его очерков: устремления позднего народничества далеко не во всем совпадают с идеями сибирских областников. Подчеркнем: в его творчестве эти тенденции образуют зону конфликта. Как казалось, «неожиданно» для всех Наумов в 1864 г.⁶ покинул Петербург и вернулся на родину. Он объяснял свой отъезд молодостью и присущим ей «неотвратимым желанием познакомиться с жизнью народа». По рекомендации известного этнографа, исследователя Сибири С. В. Максимова⁷ он получил место участкового заседателя земского суда в Тобольской губернии и прослужил в полицейском ведомстве до 1866 г. Прямая отсылка к этому эпизоду биографии содержится в рассказе «Поскотник»: «В 1865 г. в Тобольске ходил по домам, продавая булки и кренделя, крестьянин Сметанин. <...> ...принося мне ежедневно к утреннему чаю булки, Сметанин не раз пил по моему приглашению чай со мной...»⁸

На редкость скудны данные о тобольском периоде жизни Н. И. Наумова. Материалы Официального отдела «Тобольских губернских ведомостей» отчасти позволяют понять, как складывалась служебная карьера писателя в Западной Сибири. Нам не встретилось ни одного упоминания имени Н. И. Наумова в газетах 1862 г. В 7-м номере от 16 февраля 1863 г. сообщается: «Перемещены заседатели земских судов, ишимского Наумов и тобольского Павлов».⁹ В том же 1863 г. «перемещаются заседатель тобольского округа Наумов — заседателем в тюменский окружной суд, заседатель кокчетавского окружного приказа Макаревич — участковым заседателем тобольского округа

⁴ По словам К. В. Анисимова, «между Наумовым 70–80-х гг., представлявшимся тогда Потанину идеалом художника-областника, и Гребенщиковым 1910-х гг. нет ничего равного им по вкладу в развитие региональной словесности» (Анисимов К. В. Проблемы поэтики литературы Сибири XIX — начала XX веков: особенности становления и развития региональной литературной традиции: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2005. С. 42).

⁵ Впервые на этот аспект эстетики Н. И. Наумова обратила внимание Е. Г. Новикова, отметив, что «новый уровень освоения переселенческой темы обусловлен «профессиональными обязанностями» писателя как «чиновника по крестьянским делам» (Новикова Е. Г. Жанровая специфика поздних произведений Н. И. Наумова и некоторые проблемы сибирской литературы. Статья первая: «Картинка с натуры» // Проблемы метода и жанра. Томск, 1991. Вып. 17. С. 137.

⁶ Краснов Г. В. Наумов // Русские писатели. 1800–1917: биогр. слов. М., 1999. Т. 6. С. 237. Дата не вполне точна. Наумов переехал в Сибирь раньше, в 1863 г.

⁷ По заданию Морского министерства С. В. Максимов едет в Сибирь с целью изучения проблем ссылки и каторги. Результатом исследования явилась книга «Тюрьма и ссыльные» (1862), первоначально использовалась как секретный документ, опубликована под названием «Сибирь и каторга» в 1871 г.

⁸ Наумов Н. И. Собрание сочинений: в 2 т. СПб., 1897. Т. 1. С. 32. Далее цитаты из произведений Н. И. Наумова приводятся по этому изданию с указанием тома и страниц в тексте работы.

⁹ Перемещения // Тобол. губерн. ведомости. 1863. № 7. 16 февр. Офиц. отд. С. 47.

(вместо Наумова)». ¹⁰ Извещение конца 1864 г. сообщает о «переменах по службе»: «1 декабря. Перемещаются: заседатель березовского земского суда Наумов — участковым заседателем тобольского округа (вместо Трифанова)». ¹¹ Как видим, в течение двух лет Н. И. Наумов служил в Ишимском, Тобольском, Тюменском, Березовском и вновь в Тобольском округах, не получив повышения ни в чине, ни в должности, зато объехав обширный край с юга (Ишим) до севера (Березово). Мотив трудного путешествия по «служебной надобности» встречается во многих очерках и рассказах писателя, лежит в основе его сюжетов и выступает как реальная мотивировка той оценки, которую повествователь дает происходящему: «В глубокую осень 186... года я ехал или, вернее, тащился на перекладных в город К. с отрадной мыслью отдохнуть неделю-две от непрерывных разъездов по деревням, по проселочным дорогам, причинявшим, особенно осенью, невыносимое мученье; до города оставалось уже менее тридцати верст, когда я получил известие об убийстве, случившемся в деревне Ур-е» («Мирской учет». Т. 2. С. 11).

Участковый заседатель, в соответствии со Сводом законов Российской империи, утвержденным Николаем I в 1837 г., это полицейский чин, который назначается губернским правлением. Его полномочия ограничены пределами «стана» (участки, «на кои разделяется уезд») и распространяются на решение не самых значительных дел: «Участковый заседатель, или становой пристав, имеет окончательную расправу в делах о краже-мошенничестве и всяком разбирательстве ценою не выше двадцати... (десяти) рублей, учиненном не более трех раз людьми низших состояний, подлежащих телесному наказанию. <...> Во всех прочих делах... земской полиции принадлежит одно производство следствия и меры, к тому относящиеся». ¹²

Именно должность заседателя земского суда во многом объясняет выбор Наумовым сюжетов для своих ранних сибирских очерков и раскрывает глубоко драматический конфликт его произведений, поскольку государство предписывало земскому чиновнику назначение телесных наказаний, неприемлемых для русского интеллигента, взыскание «окладов податей и повинностей», определе-

ние штрафов или передачу дел для тюремного заключения.

Служебная деятельность Н. И. Наумова относится к области уголовного и административного права. В центре повествования оказываются персонажи с необычной судьбой, резкими чертами характера, которые так или иначе не вписываются в систему моральных и социальных установок «общества» (народной «темной» среды), что обусловлено профессиональными интересами повествователя. В начале очерка «Зажора» приведены документальные истории уголовных дел, которые приходится разбирать волостному чиновнику. Каждый случай мог бы составить сюжет не столько криминального, сколько психологического романа, где предметом художественного исследования служат причины и следствия преступлений, а не сами преступления, поскольку преступник уже известен и наказан: «Наверное, каждый прочел бы между строк сухого формального донесения тяжелую повесть пережитых страданий во время жизни... человека на воле, в бытность в остроге и во время бесприютного скитальчества» (Т. 1. С. 280–282).

Сообщения о преступлениях составляют обязательный раздел губернских газет 1860-х гг. «Тобольские губернские ведомости» регулярно печатают «Ведомость о происшествиях по Тобольской губернии», куда входят рубрики «Нечаянные смертные случаи», «Найденные мертвые тела», «Самоубийства», «Убийства», «Укрывательство дезертиров и других беглых». Каждое разбираемое «дело», о котором пишет Н. И. Наумов, может быть отнесено к одной из рубрик или дать материал для раздела «Местные происшествия». Отличие рассказа от его жизненного прототипа стало предметом рассуждения повествователя: «Невеселые думы навевало на меня чтение донесений о найденных мертвых телах, о повесившихся, об убийствах, совершенных в моем участке. Я смотрел на эти донесения как на скорбные листы, вырванные из обширной книги народной жизни; и это действительно были скорбные листы, которые, помимо желанья, у самых черствых людей будили что-то вроде сострадания и раздумья» («Нефедовский починок». Т. 2. С. 280). В 1864–1866 гг. Н. И. Наумов не стал корреспондентом губернской печати, все его очерки о Западной Сибири написаны по памяти и опубликованы уже в 1870–1880-е гг., после его переезда в Петербург.

¹⁰ Перемещения // Тобол. губерн. ведомости. 1863. № 50. 14 дек. Офиц. отд. С. 340.

¹¹ Перемещения // Тобол. губерн. ведомости. 1864. № 49. 5 дек. Офиц. отд. С. 29.

¹² ПСЗ РИ. СПб., 1857. Т. 12, ч. 1. № 10305. С. 469.

«Сибирские очерки» Н. И. Наумова, вошедшие в сборники «Сила соломѹ ломит» (1874), «В забытом краю. Рассказы из быта сибирских крестьян» (1882), были написаны по памяти. Но при этом личные воспоминания основательно скорректированы идеологией тех социальных групп, с которыми писатель был связан творчески и биографически. Поэтика этих очерков сложилась в контексте народнической литературы, усвоила опыт художественно-документального стиля русской литературы 1860-х гг., но отразила тенденции и более позднего времени — бóльшую субъективность и психологичность повествования. Истоком художественной рефлексии в прозе Н. И. Наумова, по нашему убеждению, стал неразрешимый конфликт между народнической и областнической идеологиями, равно близкими писателю. Как социолог-демократ, он дистанцируется от народной среды — постоянного предмета его художественных исследований, но как служилый сибиряк, он является субъектом сибирского сообщества, разделяет его стереотипы, руководствуется теми культурными сценариями, которые выработала сама жизнь. Как народник, писатель понимает свою чуждость народному миру, представляя его социальный портрет со стороны, извне. Как областник, он выступает заинтересованным лицом, «включенным наблюдателем», беллетристические очерки которого служат языком самоописания его родины и опосредованного автоописания. Конфликт определился в 1860-е гг., когда начались сибирские «службы» Н. И. Наумова, но художественную форму получил в его беллетристике 1870–1880-х гг.

Временная и пространственная дистанция послужила основанием для беллетризации жизненного факта. Сюжеты рассказов Н. И. Наумова представляют собой причудливое совпадение «жизни» и вымысла. Уголовные дела парадоксально напоминают фикциональные сюжеты. Литературные аллюзии зафиксированы в тексте очерков (ссылки на романы Ф. М. Достоевского) или настолько прозрачны, что без труда узнаются читателем. Истории, которые на первый взгляд являются лишь фотографическим отражением реальности, заставляют вспомнить хорошо известные произведения. Таков, к примеру, рассказ «Фургонщик», повествующий о сибирской «леди Макбет», или рассказ «Кающийся», который вызывает в памяти и легенду о раскаявшемся грешнике Кудеяре, и стихотворение Н. А. Некрасова «Влас». Судя по всему,

Н. И. Наумов и сам хорошо видел взаимопроникновение факта жизненного и факта литературного и «олитературировал» реальность. Из хаотического сплетения обстоятельств он создает трагедию, возвышая слабого, показывая его торжество над обидчиком в рассказах «Яшник» и «Юровая». Ничтожный и смешной Яшник, которого Г. В. Плеханов сравнивал с гоголевским Акакием Акакиевичем, погибая, освобождается от лохмотьев «дурака» и раскрывает героическую основу своей личности.

Служебные установления во многом определили позицию «невольного туриста», как называет себя автор («Эскизы без теней»), т. е. одновременно стороннего наблюдателя и участника ситуации. В рассказе «Зажора» повествователь говорит о своих принудительных перемещениях по «обширному участку», где он должен вести следственные дела, устанавливая степень их важности на месте. При этом фабула «уголовных» очерков и рассказов Н. И. Наумова выстраивается помимо основного «дела», ради которого он отправляется в путь. Материалом для беллетристики служат вынужденные ожидания и случайные встречи («Поскотник», «Фургонщик» и др.). Именно такая позиция дает возможность художественного описания «сибирских типов» и лежит в основе показательной идеологии очерков. Книга «Сибирь как колония» (1882) еще не была написана Н. М. Ядринцевым в то время, когда Н. И. Наумов начинает свое социологическое исследование коллективной психологии сибиряка. Приведем характеристику лишь одного типа: «Людам, бывшим в Сибири, доводилось, я думаю, встречать <...> крайне своеобразных людей, на которых обыкновенно никто не обращает внимания: это “дурачки”, или, как их называет народ, “божьи люди”. <...> Эти люди — воплощение гласности, задушенной в народе бюрократическим произволом. Однажды подобный дурачок, которого удостоило беседой важное лицо, пересыпая речь шутками да прибаутками, раскрыл перед ним крупное убийство, скрытое лихоимцем-следователем...» («Зажора». Т. 1. С. 292).

В образе повествователя отражены как черты личности автора, события его жизни, так и особенности всего поколения народников семидесятых годов. По словам П. Н. Милюкова, «русские народники пошли сами в деревню и нас с нею впервые познакомили. Они пошли туда, мучаясь своим отщепенством и подчеркивая свое непонимание, несоизмеримость своей интеллигентской мысли с народной. <...> Они

подмечали, вытаскивали на свет Божий и без конца возились и любовались каждой живой струей, на которую наталкивались, изучая эти инертные, мертвые, массивные почвенные пласты».¹³ Сцены, этюды, устные истории Н. И. Наумов сопровождает размышлениями, типичными для интеллигентского представления о народе: «Глядя на лицо художника... мне невольно пришла мысль: как много талантов гибнет в нашем народе, не находя никакого исхода для развития и проявления себя; и кто знает, может быть, сам талант, скрытый в человеке, брошенном судьбою в темную среду, служит и роковой причиной его гибели» («Поскотник». Т. 1. С. 33).

Риторика его очерков включает полемические обращения к читателю, чуждому народному миру: «Описывая жизнь героя, взятого из интеллигентной среды, автор, наверно, может рассчитывать, что возбудит в читателе сочувствие и интерес к горю и радостям избранного им лица, потому что горе и радость его будут понятны каждому из нас. Но будут ли понятны нам горе и радость таких людей, как Яшник?» («Яшник». Т. 1. С. 213). Выбор местоимения «мы» здесь далеко не случаен. Воспользуемся формулой А. Шютца, чтобы подчеркнуть: для «чужого» история социальной группы «никогда не была неотъемлемой частью его биографии, как история его родной группы».¹⁴ Позиция русского интеллигента 1870-х гг. в принципе безразлична к месту как источнику конфликта, и повествователь в рассказах Н. И. Наумова как будто не причастен к опыту сибирского существования, условно «забывает» о нем.

Существенно более неоднозначна позиция включенного наблюдателя, обязательно участника ситуации и человека, от которого зависит «справедливый суд» в конкретных условиях места и времени. В очерки проникают рассуждения морального толка и формулы самооправдания в ситуациях, которые выходят за рамки полномочий «участкового заседателя земского суда» («Умалишенный») или служащего контрольной палаты. Перед нами судейский чиновник, напоминающий героя Ф. М. Достоевского Порфирия Петровича, волею случая оказавшегося в Сибири. В своем общении с мужиками он основывается на принципах гуман-

ности, проникаясь состраданием к бедственному положению ссыльнопоселенцев, однако почти никогда не вмешивается в развернувшиеся перед ним трагедии, ограничивая свое участие рамками вполне законных решений.

Более того, закон может выступать как этическая мера для оценки персонажей. Иногда соблюдение закона оборачивается трагедией, как произошло с героем очерка «Яшник»: «...вольность продала у Яшника купленные им лошадь и корову и деньги выдала приказчику в пополнение долга; самого же Яшника законтрактвала за 15 руб. в лето в работу на Обь...» (Т. 1. С. 223). Говоря о своем знакомстве с Яшником, повествователь просто умалчивает о том, что послужило поводом для этого знакомства, и тем самым создает себе «алиби». Но чаще всего закон инспирирует проявление низменных инстинктов в людях, которые призваны его исполнять. Тяжба между законным уложением и человеком в реальных условиях места и времени составляет постоянную коллизию наумовских рассказов. Предметом его социологических и художественных исследований становится психология и психофизиология преступника — от маниакальной, неконтролируемой тяги к убийству, садистического склада личности до простой человеческой слабости и податливости натуры. Проза Н. И. Наумова соответствует как художественным тенденциям «большой литературы», так и специфически сибирскому интересу к «виноватой» России, составившей значительную часть русского населения колониальной территории. Думается, это одна из причин сложившейся у писателя концепции преступления как своего рода сумасшествия. При этом в сюжетах очерков прочерчивается граница между юридическим и умалишенным. Последний выражает свои обиды в жесте, в поступке, к примеру, пытаясь убить малолетнюю дочь, чтобы она не мучилась в «проклятом» мире. Маниакальная страсть к преступлению не столько оправдывает убийцу, сколько придает ему статус больного.

Уход повествования от криминальной линии сюжета к психологическому исследованию демифологизирует образ Сибири — страны ссылки и каторги. Н. И. Наумов проявляет себя как писатель-сибиряк, в чьем творчестве «Сибирь как колония» стала не столько предметом публицистических рассуждений, сколько сутью жизненных интересов, так как ее голосом оказался участник той административно-судейской системы, которая и превратила край

¹³ Милюков П. Н. Интеллигенция и историческая традиция // Вехи: Интеллигенция в России: сб. ст. 1909–1910 гг. М., 1991. С. 325.

¹⁴ Шютц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии. М., 2003. С. 198.

в сплошную каторгу. Именно этот конфликт можно рассматривать в качестве «неосознаваемого основания», без которого самописание невозможно: «Самописание не может быть чем-то иным, помимо обозначения чего-то одного и оставления чего-то иного в сфере не-обозначенного».¹⁵ Область «необозначенного» как субъективность сибиряка в рассказах и очерках Н. И. Наумова скрыта за объектив-

ностью стиля, фактуальностью и литературностью сюжетов, за народнической заботой о судьбе сибирского крестьянства, но она всегда присутствует в его творчестве.

Факты личных воспоминаний писателя трансформируются в события коллективной исторической памяти, и топика «виноватой Сибири» преобразуется в факт личного психологического опыта.

Natalya A. Rogachyova

Doctor of Philological Sciences, Tyumen State University (Russia, Tyumen)
E-mail: n.a.rogacheva@utmn.ru

Elena N. Ertner

Doctor of Philological Sciences, Tyumen State University (Russia, Tyumen)
E-mail: e.n.ertner@utmn.ru

EXILE SIBERIA AS “TERRITORY OF MEMORY” IN N. I. NAUMOV’S “SIBERIAN ESSAYS”

The article describes the specifics of constructing of the Siberian exile world in the literary and literary-publicistic prose by the narodnik writer N. I. Naumov. The authors demonstrate the ways in which the facts of the writer’s personal memories are transformed into events of collective historical memory and the topic of “guilty Siberia” is transformed into a fact of individual-personal psychological experience. Based on the materials of the 19th century provincial press new facts about N. I. Naumov’s service in Ishim, Tyumen, Berezhovsk, Tobolsk counties of Tobolsk province in 1864–1866 are established. The subject-matter of the study is explicit and implicit forms of the author’s position representation in essays and stories written under the impression from his encounters with representatives of various social groups that made up the population of Western Siberia in the 1860s. The genre and narrative structure specificity of N. I. Naumov’s works that brought all-Russian fame to him are shown. A steady conflict between populist and regional ideologies, realized by the writer and embodied in his prose, is revealed. For the regionalism ideologists, such as N. M. Yadrintsev and G. N. Potanin, Siberia is a political symbol, a “party phrase,” an object of ethnographic and sociopolitical constructing. For N. I. Naumov, it is a source of artistic subjectivity, a subject of reflection based on individual memories of the zemstvo service. In his dialogues with the heroes, the narrator manifests himself as an “unwitting tourist”, an impassive researcher of everyday life and socio-psychological types of exiled settlers, former convicts, people who have been subject to criminal punishment. At the same time, N. I. Naumov’s prose is an experience in artistic development of both the history of exile and the historical consciousness of Russian populism.

Keywords: *N. I. Naumov, Siberian essays, regionalism, populism, lifeworld, exile Siberia, territory of memory, memory of social groups*

REFERENCES

- Anisimov K. V. *Problemy poetiki literatury Sibiri XIX – nachala XX vekov: Osobennosti stanovleniya i razvitiya regional'noy literaturnoy traditsii: avtoref. doct. diss.* [Problems of the poetics of literature of Siberia in the 19th – early 20th centuries: Specifics of the formation and development of the regional literary tradition: Abst. Diss. Dr.]. Tomsk, 2005, 48 p. (in Russ.).
- Krasnov G. V. [Naumov]. *Russkiye pisateli. 1800–1917: biograficheskiy slovar'* [Russian writers. 1800–1917: biographical dictionary]. Moscow: Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya Publ., 1999, vol. 6, pp. 236–238. (in Russ.).
- Luhmann N. *Samoopisaniya* [Self-description]. Moscow: Logos/Gnozis Publ., 2009, 320 p. (in Russ.).
- Nora P. [Problematics of sites of memory]. *Frantsiya-pamyat'* [France-memory]. Saint Petersburg: SPbGU Publ., 1999, pp. 17–50. (in Russ.).
- Novikova E. G. [Genre specificity of N. I. Naumov’s late works and some problems of Siberian literature. Article One: “Picture from nature”]. *Problemy metoda i zhanra* [Problems of method and genre]. Tomsk: TomGU Publ., 1991, vol. 17, pp. 132–156. (in Russ.).
- Schutz A. [The Stranger: An Essays in Social Psychology]. *Smyslovaya struktura povsednevnogo mira: ocherki po fenomenologicheskoy sotsiologii* [The semantic structure of the everyday world: essays in phenomenological sociology]. Moscow: Institut fonda “Obschestvennoye mneniye” Publ., 2003, pp. 191–207. (in Russ.).

¹⁵ Луман Н. Самописания. М., 2009. С. 12.